

# ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

*С. Аникеев, А. Такеда*

## РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ В. Я. ЕРОШЕНКО

В статье рассматриваются проблемы творчества малоизвестного в России писателя Василия Яковлевича Ерошенко и освоения его наследия в японском и российском литературоведении. Особенное внимание уделяется вкладу В. Ерошенко — автора текстов на японском языке и эсперанто — в детскую литературу Японии.

*Ключевые слова:* В. Ерошенко, биографический очерк, рассказ «дова», Акита Удзюку, Итиро Такасуги, Лу Синь.

В качестве вступления позвольте воспроизвести гипотетический разговор между двумя собеседниками, которых мы назовем Н. и З.

З.: Не так давно, в XX в., жил-был русский путешественник. Звали его Василий Яковлевич Ерошенко. Это был необыкновенный, самобытный и поразительный человек.

Н.: Почему необыкновенный?

З.: Потому что он был слепой. И объехал почти полмира один, без поводыря.

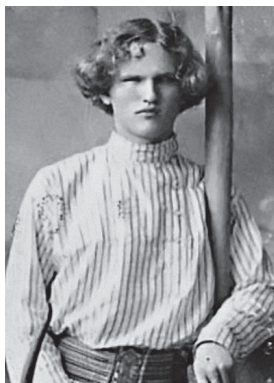
Н.: В чем же состояла его самобытность?

З.: Он был эсперантист. Убежденный сторонник языка эсперанто и активный участник международного движения эсперанто.

З.: И чем он поразил всех?

Н.: Тем, что стал писателем. Насколько нам известно, он не написал ни одного художественного произведения на русском языке. В своем творчестве он использовал эсперанто, японский язык, многие его произведения существуют в переводе на китайский язык.

Н.: Если Ерошенко такая незаурядная личность, почему о нем так мало известно в России?



Василий Яковлевич Ерошенко.  
Токио. 1916 г.

З.: Потому что после возвращения на родину, он попал в страну, реальностей жизни в которой не знал, которая очень отличалась от той России, которую он покинул в 1914 г. Как известно, в то время пролетарская идеология и оценка действительности с классовых позиций стали основой идеологии Советской России. Ерошенко давно оторвался от России, скитался по свету, превратился в иностранца, к тому же был убежденным эсперантистом с космополитическими взглядами, который ничего не писал по-русски. Кто он? Анархист? Белогвардеец? В новой России он был неизвестным и чужим вместе со всем своим творчеством и «послужным» списком.

Такой нестандартный для академической статьи зачин, на наш взгляд, позволяет снять часть вопросов, которые могут возникнуть при встрече с именем Василия Ерошенко.

#### В. Я. ЕРОШЕНКО И ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЯПОНИИ В ЭПОХУ ТАЙСЁ

В своих воспоминаниях известная социалистка Камитика Итико пишет о том, как они с В. Ерошенко написали первый «дова» — рассказ для детей. Поняв, что Ерошенко нуждается в деньгах, она предложила, чтобы он рассказал ей что-нибудь, по жанру близкое народной сказке. Рассказ Камитика записала и передала журналу. «Горе рыбки» приняли, и он получил хорошие отзывы. После этого В. Ерошенко с помощью разных людей один за другим начал печатать рассказы для детей.

Показательно, что Камитика предложила Ерошенко написать не статью или очерк, а именно рассказ для детей. В эпоху Тайсё, когда В. Ерошенко жил в Японии, в японской литературе происходил подъем интереса к детскому миру, который иногда называют «Возрождением детской культуры». И детская литература, и детское искусство, и детская музыка (песни), и детский театр — все как будто разом расцвело. Самым показательным событием этого течения было основание Судзуки Миэкити детского журнала «Акай тори» в 1918–1929 гг. и 1931–1936 гг.

Прежде, чем говорить об этом журнале, коротко рассмотрим историю детской литературы в Японии до этого периода.

Можно считать, что детская литература в Японии началась в 20-х гг. эпохи Мэйдзи (в 1890-х гг.), когда начали переводить такие шедевры детской литературы, как «Маленький лорд Фаунтлерой» Ф. Х. Бёрнетт, «Без семьи» Г. Мало, «Принц и нищий» М. Твена,

«Остров сокровищ» Р.Л. Стивенсона, «Сердце» Э. Амчиса, «Два года каникул» Ж. Верна, рассказы из «Книги джунглей» Р. Киплинга и т. д.

В это же время появились японские народные сказки в обработке для детей, а затем японские писатели начали писать авторские сказки. Самым известным был Ивая Садзанами, назвавший свои рассказы, похожие на русские «сказки», «отоги-банаси». С нынешней точки зрения, в «отоги-банаси» Садзанами, для которых характерны подчеркивание авторитета отца, нравов учения и конфуцианские ценности, ярко отражается идея «просвещения сверху», характерная для эпохи Мейдзи [Сакухин 1968, с. 168–169].

В противовес этому в эпоху Тайсё в детской литературе возникло движение, основанное на желании выразить особенности нового времени. Что способствовало его появлению? По мнению Икута Теко, это сравнительная стабильность в международной политике после победы в русско-японской войне; переосмысление опыта войны, осознание того, что подъем государства необязательно означает счастье и благосостояние народа; протест против существующей националистической политики и поиск индивидуальных ценностей, которые сопровождаются активным принятием новейшей западной культуры [Там же. С. 171]. Конфликт двух эпох можно сравнить с противостоянием «отцов и детей». Во главе движения оказался журнал «Акай тори».

У главного редактора журнала Судзуки Миэки — ученика известного писателя Нацумэ Сосэки — было много приятелей-литераторов. В «Акай тори» активно печатали стихи и рассказы первоклассных авторов, таких, как Идзуми Кёка, Осанаи Каору, Токуда Сюэси, Такахама Киоси, Ногами Яэко, Комия Тоиетака, Акутагава Рюноске, Китахара Хакусю, Симадзакитосон и т. д. Позже присоединились Арисима Такэо, Кавабата Ясунари, ближайший друг Ершенико Акита Удзяку и знаменитый художник Такэхиса Юмэдзи. Говорили, что в эпоху Тайсё не было ни одного автора, который бы не писал рассказов для детей.

Журнал «Акай тори» объявил борьбу низкокачественному масовому чтению для детей и провозгласил восстановление художественности детской литературы, которая должна выражать детскую душу — «досин». Это понятие включило в себя взгляд на ребенка как на идеального чистого человека. Довольно умозрительной идеализацией детей многие поэты и писатели занимались вполне серьезно: «Когда человек отбросит всякие мучения, суету, бесполезные мысли взрослого и истинно дойдет до состояния вечного

ребенка, он найдет в себе больше блаженства детскости, что сами несознательные дети» (Китахара Хакусю); «Этика нашего искусства заключается именно в том, чтобы различать добро и зло по совести чистых детей» (Огава Мимэй); «Мысль и мир, выраженные в “дова”, можно считать миром идеала взрослых. (...) Я уверен, что “дова” пишут не только для детей определенного возраста, но и для всего человечества» (Акита Удзяку) [Там же. С. 172–173].

Для поэтов и писателей журнала «Акай тори» понятие «дова» означало прежде всего, «рассказ, написанный с чистой душой, подобной душе детей». Таким образом, изначально авторы не ограничивали детскую литературу только чтением для детей. В японской литературе возник уникальный жанр, который с некоторыми допущениями можно назвать притчей для взрослых детей. Авторы стремились к освобождению человека, опираясь на опыт своего собственного детства, они тщательно продумывали, в чем же состоят особенности детского восприятия мира.

Есть еще одна очень важная причина возникновения жанра «дова». В области художественной литературы в эпоху Тайсё главным направлением был натурализм. Но, естественно, не все писатели были этим довольны. Акита Удзяку, определяя жанровую особенность «дова», отмечает: «Дова имеет лирический характер, который в других областях искусства сейчас постепенно исчезает» [Дзидо бунгаку 1977, с. 133]. В новой жанровой форме, которую мы бы назвали «лирической притчей», писатели обнаружили возможность выразить свои мечты, проявить фантазию, вложить свои мысли и мнение о жизни.

Такой подход не трудно критиковать. Писатели создавали желанный образ детей и таким способом выражали свою собственную ностальгию по детству [Там же. С. 136]. Действительно, во многих рассказах в журнале «Акай тори» не хватало жизненности и сюжетной занимательности, они никогда не были столь популярны среди детей, как «чтиво», от которого журнал хотел избавиться.

Но в японской литературе уникальный жанр «дова» появился и до сих пор существует как «лирическая притча» для детей и взрослых. Не будь «дова», вряд ли произведения В. Ерошенко вызвали бы живой интерес у японских читателей.

Рассказы В. Ерошенко привлекли читателей своей поэтичностью и экзотизмом. Незнакомое имя автора-иностранца, слухи о том, что он слепой эсперантист, помогли обратить на него внимание. Космополитизм В. Ерошенко также соответствовал вкусу

интеллектуалов. Его рассказы отличались масштабностью мировоззрения и жадной свободой, остроумием и оригинальной философией убежденного эсперантиста. Он прямо говорит о своей идеологии, чем отчасти напоминает своих соотечественников Толстого и Гаршина, но при этом ему чужды нравоучительность и «окончательные» ответы. [Фудзии 1989, с. 249]. Так, например, свобода для него — это не абсолютная ценность, а проблема, решение которой пока неизвестно человечеству.

Но все же его идеологическая прямота, откровенно критикующая несправедливость общества, порой, как и памфлеты Льва Толстого, смущала его японских друзей, потому что нарушала сложившийся образ японских «дова». Акита Удзюку оправдывает В. Ерошенко: «В нашем литературном мире скудной идейности ее почти нет. Для нас красиво горящий огонь идеи, брошенный Ерошенко, имеет важное значение» [Эросенко 1959, т. 3, с. 147–148].

Со временем В. Ерошенко начал активно общаться с японскими социалистами и анархистами. Кроме выше упомянутой И. Камитика, можно указать также Такацу Масамити и Оно Кэндзи. Впоследствии он говорил друзьям о своем жизненном кредо: «Жизнь — это мое главное искусство. Писать рассказы, читать лекции, играть в театре — все это лишь украшение жизни как великого искусства» [Там же. С. 167]. Эти слова гораздо ближе к убеждениям анархистов, чем социалистов, но в любом случае японская власть стала следить за Ерошенко как за нежелательным элементом, опасаясь его влияния на общество.

В мае 1921 г. В. Ерошенко был депортирован из Японии по подозрению в большевизме. После его изгнания большими усилиями друзей были изданы две книги: «Ёакэмаэ но ута» (Песни перед зарей) и «Сайго но тамэики» (Последний вздох). Чуть позже в 1924 г. вышла третья книга «Дзинруй но тамэ ни» (Ради человечества).

В 1923 г. произошло крупнейшее землетрясение в районе Канто. Эта катастрофа остановила движение, которое в Японии называется «демократией Тайсё». Активный период деятельности «Акай тори» продолжался всего лишь пять лет. Большая часть тиражей книг Ерошенко сгорела в пожаре.

Изгнание В. Ерошенко из Японии и убийство лидера японского анархизма Осуги Сакаэ во время землетрясения стали двумя символическими событиями, которые извещали о начале фашистского режима в Японии.

## ВАСИЛИЙ ЕРОШЕНКО: ВЗГЛЯД ИЗ ЯПОНИИ

Мы не ошибемся, если скажем, что творчество и общественная деятельность незрячего русского писателя, путешественника и талантливого тифлопедагога были не знакомы советским читателям, но были хорошо известны интеллигенции Японии и Китая в 1920-е гг. Даже после возвращения Ерошенко на родину в 1924 г. японские и китайские друзья долго помнили о нем, довольствуясь случайно дошедшими до них отрывочными сведениями о его жизни в СССР.

В итоге творческое наследие В. Ерошенко получило оценку и нашло своего читателя, прежде всего, в Японии и Китае. В Китае его переводили основоположник современной китайской литературы Лу Синь и его брат. Уже в 1920-е гг. в Японии были изданы на японском языке три сборника произведений этого писателя. Первый сборник «Ёакэмаэ но ута» (Песни перед зарей) был издан под редакцией Акита Удзяку<sup>1</sup> в 1921 г. В него вошли 14 произведений: «Сэмай каго» (Тесная клетка), «Сакана но канасими» (Горе рыбки), «Гакуся но атама» (Голова ученого), «Нума но хотори» (У озера), «Иппон но наси но ки» (Грушевое дерево), «Васи но кокоро» (Сердце орла), «Мацу но ко» (Сосенка), «Хару но ёру но юмэ» (Сон в весеннюю ночь), «Каваринэко» (Странная кошка), «Мокусэй но нингэнсин» (Люди-боги на Юпитере), «Онтё но рампи» (Растраченные милости), «Мусюкёся но дзюнси» (Мученическая смерть безбожника), «Кофуку но фунэ» (Кораблик счастья), «Канария но си» (Смерть канарейки) [Акита 1921а].

В этом же году выходит второй сборник «Сайго но тамэики» (Последний вздох). Кроме четырех произведений В. Ерошенко — стихотворения на эсперанто с переводом на японский язык «Дзипусионна но ёгэн» (Предсказание цыганки) и пьесы для детей в трех действиях «Момоиро но кумо. Довагэки саммаку» (Розовое облако), «Уми но одзё то рёси» (Морская царевна и рыбак), «Футацу но тисана си» (Две маленькие смерти), — в него вошли воспоминания о Ерошенко его друга Эгути Кан и комментарий редактора-составителя сборника У. Акита к пьесе «Розовое облако» [Акита 1921б].

Третий сборник «Дзинруй но тамэ ни» (Ради человечества) в июле 1923 г. был подготовлен к продаже издательством «Кайдзося», но все исчезло в пожаре во время сильного землетрясения в сентябре в районе Канто [Такасуги 1959, с. 275; Минэ 1979, с. 88]. Сборник был снова составлен Фукуока Сэйити, благодаря сохранившимся гранкам, и издан в 1924 [Фукуока 1924]. В него

вошли произведения, написанные В. Ерошенко на японском и на эсперанто в разное время, стихотворение на эсперанто с параллельным переводом на японский: «Дзинруйдзин» (Гражданин мира, вариант названия: «Любовь к человечеству»), сказки: «Дзинруй но тамэ ни» (Ради человечества), «Рисока» (Цветок совершенства), «Ёру но кёдзин» (Сумасшедший в ночи, вариант названия: «Мировой пожар»), «Токи но одзиисан» (Мудрец-Время), «Нидзи но куни» (Страна радуги), «Вакаки тэнси но сиппай» (Неудача молодого ангела), «Хиёко но хигэки» (Трагедия цыпленка), «Сэкай хэйва но хи» (День всеобщего мира), «Отиру тамэ но то» (Башня для падения), «Ватаси но гакко сэйкацу но итипэдзи» (Страничка из моей жизни в школе слепых), «Тётин но ханаси» (Рассказ бумажного фонарика). В приложении к сборнику даны три рассказа: «Байтару но ханаси» (Рассказы Веталы), «Бирума но ханаси» (Бирманские рассказы), «Тиз но цубо» (Кувшин мудрости).

К сожалению, японский читатель тогда не увидел многих произведений полностью — во всех трех сборниках в текстах имелись цензурные изыятия. Так, текст сатирической сказки «Неудачи молодого ангела» был настолько купирован цензурой, что впоследствии восстановить его полностью не удалось.

Уже тогда было отмечено, что произведения В. Ерошенко выделяются оригинальностью художественного замысла, языка и композиции [Имаи 1962, с. 173]. Настоящее признание пришло к нему именно в 1920-е гг.: В. Ерошенко был признан «как поэт, которого взрастили и приняли как своего японские литературные круги. Хотя он не был великим поэтом, но ему нашлось место в “Энциклопедии современной японской литературы”» [Такасуги 1972, с. 44].

Поэтому неудивительно, что первым исследователем жизни и творчества В. Ерошенко, кто попытался найти и собрать сохранившиеся к тому времени его произведения на японском языке, перевести для японского читателя сочинения на эсперанто, кто написал первую биографию русского писателя-путешественника, был японец Такасуги Итиро<sup>2</sup> — профессор английского языка и литературы, отдавший много сил исследованию судьбы и творчества русского автора. Не следует забывать, что после публикации трех сборников произведений В. Ерошенко в 1920-е гг., о Ерошенко в Японии никто не писал до 1956 г., когда японский читатель смог познакомиться с первой биографией В. Ерошенко, составителем которой, а также одновременно переводчиком и редактором был только один человек — И. Такасуги. [Такасуги 1956].

Проходит совсем немного времени с момента выхода первой книги о В. Ерошенко, и в 1959 г. появляется трехтомник, название которого в переводе с японского звучит как «Полное собрание произведений Ерошенко» [Такасуги 1959]. В нем произведения В. Ерошенко были помещены в первых двух томах, а в третьем томе под названием «Эросенко но сёгай» (Жизнь Ерошенко) был помещен биографический очерк о писателе. Собственно говоря, это не была вновь составленная биография, но вторая редакция очерка И. Такасуги, вышедшего отдельной книгой в 1956 г.

Далее хронологически следует двухтомник «Собрание сочинений Василия Ерошенко» — репринт первых двух книг из трехтомника 1959 г. [Такасуги 1974]. И. Такасуги бывал в Советском Союзе в 1964 и в 1966 гг., причем во второй раз специально для сбора материала о жизни В. Ерошенко в СССР. В 1982 г. Такасуги выпустил третью (исправленную и дополненную) биографию Ерошенко: «Песни перед зарей. Жизнь слепого поэта Ерошенко» [Такасуги 1982].

И. Такасуги назвал этот свой труд «критической биографией» (хёдэн), исправив, уточнив и дополнив первое издание биографии, приведя много новых интересных фактов из жизни В. Ерошенко. Впрочем, нельзя с уверенностью сказать, что автор действительно критически переосмыслил уже имевшийся фактический материал двух предыдущих биографических очерков. Все три версии биографии В. Ерошенко, созданные И. Такасуги, — это беллетризованные повести, основу которых составили, главным образом, воспоминания и свидетельства мемуарного характера тех, кто был лично и близко знаком с В. Ерошенко или слышал о нем от других.

К этому следует добавить, что в биографию 1982 г. И. Такасуги впервые включил целые абзацы из «воспоминаний» или «дневника» Ерошенко, некритично позаимствовав их из книги «Человек, увидевший мир», автором которой был советский журналист А. С. Харьковский, ныне проживающий в США [Харьковский 1978].

Приведем здесь ответ А. Харьковского на наш запрос по этому поводу: «Я сочинил дневник ВЕ (Василий Ерошенко — С. А., А. Т.), видимо, настолько похоже, что Такасуги взял это у меня. Я ведь писал повесть, а не научное исследование. Чего стоит мое описание, как ВЕ щупал выпуклый японский шрифт и так изучал иероглифы (Подскажите, как он мог изучить его иным путем?) Замечу в скобках, что выдумка нередко бывает реальней того, что произошло на самом деле»<sup>3</sup>.



В конце книги, как и в предыдущих изданиях, И. Такасуги дает список справочной литературы, использованной при написании биографии, но отсутствие принятых в научных кругах библиографических ссылок затрудняет идентификацию и поиск приводимых автором диалогов и фактов из жизни писателя.

Известно, что И. Такасуги не был знаком с В. Ерошенко. Что же побудило японского исследователя заняться работой по воссозданию жизненного и творческого пути самобытного незрячего русского писателя?

В предисловии к биографии 1956 г. находим (здесь и далее переводы наши — С. А., А. Т.):

Слепой поэт Ерошенко привлекает меня по трем причинам. Во-первых, он эсперантист и интернационалист. Ерошенко ненавидел войну, вражду между людьми и претензии на национальную исключительность. Он посвятил свою жизнь борьбе за мир и достижению согласия и единения между народами. В нашем беспокойном и хаотичном мире, покрытом мрачными тучами, его идеи могут казаться слишком утопическими, но, несмотря на это, я его люблю.

Во-вторых, Ерошенко — это явление в истории нашей литературы периода Тайсё<sup>4</sup>, и об этом нельзя забывать. Он оставил Японии и Китаю три сборника своих произведений, ставшие новым зерном детской литературы, посеянным в Азии. Это был некий новый образ мышления, прекрасно прижившийся позже и в Японии, и в Китае.

В-третьих, он вселил надежду и указал возможности для слепых. Вместе с тем, для нас, зрячих, он был откровением, передающим истины, открывающиеся только в мире кромешной тьмы [Такасуги 1956, с. 9].

Такасуги еще раз обращается к творчеству В. Ерошенко в 1993 г., издав сборник «Россия но момоку но сидзин. Эросенко доवासю» (Русский слепой поэт. Сборник сказок Ерошенко) [Такасуги 1993].

Следует особо отметить появление первой научной работы на японском языке, посвященной русскому писателю: в 1989 г. вышла в свет монография японского исследователя творчества Лу Синя Фудзии Сёдзо «Эросенко но тосимоногатари 1920 нэндай: Токё, Сянхай, Пэкин» (Рассказы о городах Ерошенко: Токио, Шанхай, Пекин в 1920-е гг.), которая, в отличие от биографии И. Такасуги, проливает свет на многие события в жизни В. Ерошенко в Японии и Китае и построена на тщательно подобранной документальной базе [Фудзии 1989]. Но эта работа до сих пор находится за пределами поля зрения российских востоковедов и исследователей творчества Ерошенко.

Кроме этого, с 1979 по 1996 гг. японский поклонник текстов Ерошенко Минэ Иоситака составил и опубликовал шесть сборников небольшого формата с произведениями русского писателя на языке эсперанто<sup>5</sup>. В них вошло также несколько сочинений, написанных В. Ерошенко в последние годы жизни и найденных в Советском Союзе через 30 лет после смерти писателя<sup>6</sup>. Оригинальность и ценность этого издания в том, что в нем воспроизведены сохранившиеся и воссозданы по переводам утраченные тексты оригиналов на эсперанто.

### В. Я. ЕРОШЕНКО: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Ни сам факт возвращения в Советскую Россию в 1924 г. самобытного писателя, признанного «слепым поэтом» в странах Дальнего Востока, ни его личность не вызывала никакого интереса у советских исследователей вплоть до 1958 г., когда его имя впервые появилось в советской печати. В 1958 г. на страницах журнала «Знамя», массового центрального издания СССР, была помещена статья В. Рогова<sup>7</sup> «Русский друг Лу Синя» — первая на русском языке публикация о В. Ерошенко [Рогов 1958, с. 212–216].

Какое-то время она оставалась единственной информацией о русском писателе. Не стоит удивляться, что первым на его творчество и известность в Японии и Китае обратил внимание советский журналист и китаевед. Как отмечает украинская исследовательница Ю. Патлань, «иная ситуация сложилась в Китае, где “Сказки Ерошенко” и его пьеса “Розовое облако” в переводах Лу Синя неоднократно переиздавались, а имя писателя Лу Синь часто упоминал в своих дневниках, письмах и произведениях до середины 1930-х гг. <...>, а переводы произведений Ерошенко входили в собрания сочинений Лу Синя» [Патлань 2008].

Журналист ТАСС В. Н. Рогов, работая в Китае в Чунцине и занимаясь творчеством Лу Синя, с 1939 г. пытался найти ответ на мучавший его вопрос: кто такой «слепой русский поэт Айлюсянькэ»<sup>8</sup>, о котором Лу Синь писал в новелле «Утиная комедия». В этом произведении Лу Синя главный герой — «слепой русский поэт Ярошенко»<sup>9</sup>.

В результате долгих и трудных поисков, на которые понадобилось 20 лет, ему удалось узнать из кратких библиографических примечаний к произведениям Лу Синя, что «слепой поэт Ярошенко, русский, автор разного рода детских сказок на эсперанто и японском, приехал из Японии в Китай 1921 г., преподавал

в Пекинском университете язык эсперанто, его произведения “Розовое облако” и другие Лу Синь перевел на китайский язык» [Рогов 1958, с. 214].

Находясь в Китае в течение полутора лет, В. Ерошенко продолжал сочинять свои произведения на эсперанто и японском языке, которые переводились в свою очередь на китайский язык. В Китае вышло пять изданий его книг:

1. Ailuoxianke tonghuaaji («Сказки Ерошенко»). Shanghai Shanwuyin Shuguan, 1922.

2. Taosedeyun («Облако розового цвета» — пьеса). Beixin Shuju, 1922.

3. Ĝemo de Unu Soleca Animo («Стон одинокой души» — сборник произведений на эсперанто). Ŝanhajo, 1923.

4. Turo por Fali («Башня для падения» — сказка на эсперанто). Опубликовано в приложении к журналу La Verda Ombro («Зеленая тень»). Tajpei, 1923.

5. Guoqude youling jiqita («Уходящие призраки» — сборник лекций В. Ерошенко, прочитанных в Пекинском университете). Mingzhi Shuju, 1924.

В Китае Ерошенко преподавал в университете и продолжал писать. Кроме этого, он выступал на собраниях, пропагандируя эсперанто и содействовал китайскому движению эсперантистов. Но в отличие от Японии, где у него было много друзей не только среди эсперантистов, в Китае он чувствовал себя одиноким. Лу Синь в рассказе «Утиная комедия» писал: «Слепой русский поэт Ерошенко, недавно приехавший в Пекин со своей шестиструнной гитарой, как-то мне пожаловался: “Как тихо, как тихо, точно в пустыне...”» [Лу Синь 1971, с. 155].

Следует заметить, что в 1957 г., когда В. Рогов вторично был в командировке в Японии, он смог познакомиться с бывшим уже в преклонном возрасте писателем Акита Удзюку, с членами семьи Сома Кокко<sup>10</sup> и с журналистом Фукуока Сэйити<sup>11</sup>, которые были близкими друзьями В. Ерошенко. В. Рогов открыл для себя, что в Японии В. Ерошенко знают больше, чем в Китае и Москве. Тогда же У. Акита подарил ему недавно опубликованную в Японии книгу «Слепой поэт Ерошенко» [Такасуги 1977, с. 162].

Таким образом, сведения о жизни и деятельности В. Ерошенко впервые попали в руки советского исследователя. Но сенсационной публикации не состоялось: как признавался сам В. Рогов,

для прочтения биографического очерка ему потребовалось почти три года<sup>12</sup>. Не все, написанное о слепом писателе японским автором, находило подтверждение, но советскому исследователю ничего не оставалось, как верить И. Такасуги, потому что других источников тогда у него не было [Рогов 1958, с. 215].

Предпринятые В. Роговым дальнейшие поиски и исследования этого вопроса по линии Всесоюзного общества слепых (ВОС), позволили, в конце концов, узнать настоящие имя и фамилию писателя: поездка В. Рогова на родину Василия Ерошенко и встречи с его родственниками позволили в феврале 1958 г. узнать о том, что он умер 23 декабря 1952 г. в родном селе Обуховка Старо-Оскольского района Белгородской области и похоронен на сельском кладбище. В. Рогов хорошо знал о книгах И. Такасуги и переслал свою статью в Японию. И. Такасуги отмечал, что после получения статьи В. Рогова, он сразу же дал краткое сообщение о смерти писателя в газете «Майнити» [Такасуги 1982, с. XI].

Но публикация В. Рогова, открывшая имя Ерошенко советским читателям, не произвела сенсации в культурной жизни, как этого можно было ожидать. Только в 1960-е гг. эта тема была продолжена Е. Ауэрбах, Р. Белоусовым, З. Шаминой, Н. Андриановой, А. Харьковским, В. Першиным, Э. Пашневым и другими советскими авторами. Первые переводы художественных произведений В. Ерошенко на русский язык были сделаны только после того, как трехтомник с сочинениями писателя попал в Советский Союз [Такасуги 1959, с. 177].

В эпилоге своей повести А. Харьковский задавался вопросом, почему в СССР о слепом писателе никто не знал до того, как в 1960-е гг. его «открыли» историки и литературоведы? Кого из литературоведов и историков имел в виду автор, — это нам неизвестно. То, что было опубликовано о В. Ерошенко в советский период, ясно показывает, что среди авторов, кроме В. Рогова и Р. Белоусова, не было ни профессиональных литературоведов, ни историков.

Основную причину столь позднего «открытия» Ерошенко сам А. Харьковский усматривал в том, что «Утиная комедия» Лу Синя, главный герой которой Айлосяньке, была издана в СССР только в 1952 г. О том же, что прототип героя — реальное лицо Василий Ерошенко, даже переводчик этой новеллы В. Рогов узнал через шесть лет после смерти писателя.

В 1977 г. Р. Белоусов сообщал, что еще в 1940-е гг. о В. Ерошенко в СССР упоминал в рукописи своей статьи академик М. В. Алексеев,

но сама статья — «Горький в Китае» — была опубликована только в 1968 г.<sup>13</sup> [Белоусов 1977, с. 7].

## ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА

### В. Я. ЕРОШЕНКО В СССР

В контексте культурной жизни в СССР того периода такая сдержанность или осторожность в подходе к открывшемуся новому имени сейчас не вызывает удивления, потому что открытие и дальнейшие исследования творчества Ерошенко стали возможными, благодаря «оттепели», но даже в этот период знакомить советских читателей с русским писателем-«возвращенцем» или «репатриантом», прожившим десять лет за границей и ничего не написавшем на русском языке, было рискованно. Более того, идеи его произведений никак не сочетались с задачами социалистического строительства и советского патриотизма в 1960–1970 гг.

Идеалистические взгляды В. Ерошенко увлекали мысли в сторону вековой утопии человечества — «Страны Радуги» — альянзии на «страну всеобщего счастья». Его идея всемирного братства всех народов не находила тогда одобрения даже среди стран, братскую общность которых подчеркивала декларируемая принадлежность к «мировой системе социализма».

Более или менее полную картину философии Ерошенко могла бы дать, на наш взгляд, только публикация переводов всех его произведений, попавших в СССР из Японии. В. Ерошенко был убежденным эсперантистом: он не только не скрывал своих симпатий к эсперанто с его мечтой о единой человеческой семье, но открыто пропагандировал в своих произведениях идеи объединения всей планеты без национальных границ и правительств, без армий, дипломатов и т. п.

Санкционировать выпуск издания, заведомо мешавшего укреплению марксистско-ленинской идеологии, Главлит, стоявший на страже политических, экономических и прочих интересов СССР, не мог ни в коем случае. Даже то, что было тогда переведено и вычищено цензурой, после 1977 г. больше уже никогда не переиздавалось и не переводилось.

Ситуация осложнялась тем, что Япония — бывший участник фашистской коалиции — продолжала оставаться для советских людей милитаристическим государством, представляющим постоянную угрозу миру и безопасности СССР. В условиях усиления «холодной войны» связи с Японией, находившейся под контро-

лем оккупационной армии США, сокращались, многие выпускники-японоведы шли на работу не по специальности, значительная их часть поступала на работу в закрытые военные учреждения в системе МГБ и МВД [Латышев 2001, с. 28]. Кроме того, долгое время в отечественном японоведении преобладал интерес не к современной, а к древней и средневековой истории Японии. По этому поводу доктористорических наук японовед В. В. Совастеев замечает: «Целые области и хронологические рубежи в новой и новейшей истории японского общества оставались без внимания <...> Таким, в частности, был период общественного развития Японии 1920–1940-х гг., который практически не затрагивался в исследовательской литературе, несмотря на то, что этот период весьма богат драматическими, переломными событиями в общественно-политической истории страны, в числе которых так называемая “демократизация эры Тайсё” 1920-х гг. <...>» [Совастеев 1998, с. 83].

Наконец, поступление литературы на японском языке в библиотеки в военное время по вполне понятным причинам практически отсутствовало, а по завершению войны было очень ограниченным. В этой связи И. Латышев вспоминал, что свою научную работу он смог написать и защитить в 1952 г. только благодаря полученному доступу в спецхран, где занимался разборкой и сортировкой трофейной литературы, захваченной в Маньчжурии советской армией в 1945 г. [Латышев 2001, с. 31–32].

Вышесказанное позволяет понять, что востоковеды были связаны жесткими идеологическими установками, и в академической среде эта несвобода влияла на выбор тем для научного исследования. Из этого следует, что для востоковеда в то время взять для научной разработки тему «Ерошенко» граничило с безрассудством, поскольку, вернувшись на родину, он тащил за собой шлейф нелестных характеристик: интернационалист, пацифист, анархист, эсперантист-космополит, которые на фоне официальных научных подходов не превращали его в желанный объект для исследований.

Будучи «идейно закаленным китаеведом», В. Рогов увидел проблемы для исследователя в том, что «все собранные сведения были очень скудны и крайне противоречивы. Нельзя было установить даже имя Ерошенко. Одни называли его Владимиром, другие — Василием. Одни говорили, что он белогвардеец, другие — что революционер. Высказывались и предположения, что он был толстовец, анархист и т. д.» И главный акцент: «Невозможно было допустить, что такой человек, как Лу Синь, мог ошибиться

в своем русском друге. Прямо чудовищным казалось, что китайский революционный писатель мог дружить с “русским белогвардейцем Ярошенко”» [Рогов, 1958, с. 213]. Так была сделана первая попытка с классовых позиций реабилитировать имя Василия Ерошенко в глазах советских читателей.

В Советском Союзе о мировоззрении В. Ерошенко было принято говорить в рамках того, что он не был марксистом, а «большевизм только изучал», в силу этого он мог быть «прогрессивным человеком и революционером по натуре» [Там же. С. 214], пацифистом, интернационалистом или человеком, чьи «политические взгляды не отличались определенностью. Скорее, их можно было назвать стихийно-революционными» [Белоусов 1977, с. 9–10]. Сам В. Ерошенко не скрывал своих взглядов. О них он рассказал в одном из выступлений перед студентами Пекинского университета, текст которого на русский язык в советское время не переводился, возможно, потому, что В. Ерошенко говорил о необходимости общего языка эсперанто:

<...> только коммунистическое правительство в России решительно показало свою симпатию к эсперанто как к международному языку, и это снова породило массу недопонимания в других странах. Многие стали думать, что все эсперантисты — или коммунисты, или анархисты <...>. Но нет никакой необходимости в том, чтобы все эсперантисты стали коммунистами или анархистами; эсперантисты — мирные борцы за освобождение всего человечества, коммунисты и анархисты — воинствующие люди. Только подлые и злонамеренные люди, только люди с черным и маленьким сердцем, с грязной и маленькой душой, темные и нищие духом, могут пугать юные, чистые и простые души русскими коммунистами или анархистами в мировом масштабе, или слепыми эсперантистами <...>. Сейчас мы можем, сейчас мы вправе думать о Земле как о нашей родине, думать о человечестве как о своем собственном народе. Родина кажется нам сейчас слишком тесной; границы между народами становятся скучным анахронизмом; военные и полицейские на границах только досаждают и мешают честным людям, раздражают и возмущают умных и благородных людей. Логически рассуждая, сейчас Земля — наша единственная родина и человечество — наш единственный народ [Ерошенко 1979, с. 76–80].

С марксистско-ленинских позиций такие его взгляды можно было бы увязать с пролетарским интернационализмом, но только не в трактовке сталинского времени, когда «подлинный интернационализм» стал отождествляться с советским патриотизмом.

## СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО В. Я. ЕРОШЕНКО

Лишь во 2 половине XX в., когда пришло время возвращения потерянной культуры, узнавания старых, но изъятых из обращения имен — только тогда дошла очередь до Ерошенко. Ныне, со сменой вех, пора вернуть и эту самобытную фигуру российской культуре. Но не в виде мифической фигуры «человека из легенды», годной лишь для паноптикума; желательно увидеть его во всей сложности и неординарности — волевого, честолюбивого, удивляющего, любящего людей и помогающего своим собратьям по несчастью, страдающего от их несчастий гражданина мира, эсперантиста-интернационалиста.

Усилиями двух исследователей Ю. В. Патлань (Украина) и С. М. Прохорова (Россия) к 50-летию со дня смерти В. Ерошенко была организована виртуальная конференция «Василий Ерошенко и его время», вокруг которой с 2003 г. образовалась небольшая исследовательская группа, с работами которой можно ознакомиться в интернете на сайте «Василий Яковлевич Ерошенко и его время»<sup>14</sup>.

Современные исследователи сходятся во мнении о том, что практически все, что допускалось писать о В. Ерошенко в течение многих десятилетий, и сами произведения писателя, переведенные на русский язык в подцензурных условиях давления идеологических догм, нуждаются в непредвзятом подходе, пересмотре, уточнении и совершенно новых переводах еще не известных российским читателям сочинений.

К сожалению, традиции мифотворчества глубоко укоренились, и легенды до сих пор продолжают существовать. Вот что пишут по этому поводу Ю. Патлань и С. Прохоров:

Собственно научные исследования творчества и биографии писателя не принимаются «аматорами» и их многочисленными читателями, наоборот, становятся востребованными именно эссеистические труды, без серьезной научной базы, зато увлекательно написанные. Научные исследования заведомо ставятся авторами-любителями и их читателями в разряд ненужных.

Интересно, что со временем число мифических фактов лишь увеличивается. Как мы полагаем, это связано с тем, что при переписывании фабульной канвы авторы оказываются перед необходимостью дать что-то новое. Не имея при этом научной основы, они начинают действовать в русле уже сложившейся традиции. То есть, они «расцветивают» канву фактами, которые «могли бы быть», но совсем не обязательно были. Никаких доказательств при этом либо не приводится,



либо даются ссылки на подобные же работы предшественников. В последнем случае возникает иллюзия научности, которая легко распадается при обращении к архивам [Патлянь, Прохоров, 2006].

Чтобы правильно понять необычную судьбу этого «слепого русского поэта», своеобразие его мышления, идей и подходов к волновавшим его общественным проблемам, следует принимать во внимание не только его слепоту. Необходимо еще учитывать, на наш взгляд, одно очень важное обстоятельство: границы многих стран он преодолевал с помощью языка эсперанто, в то время распространившегося в Европе, Северной Америке и Азии и бывшего популярным среди интеллигенции. Именно эсперанто позволил Василию Ерошенко побывать в странах Запада и Востока. А география путешествий В. Ерошенко и обстоятельства, сопутствующие им, кратко могут быть представлены следующим образом.

Впервые он выехал из России для продолжения своего музыкального образования, воспользовавшись эсперанто, в 1912 г. Тогда он проехал без сопровождающего из Москвы через Европу в Англию и там, стараниями местных эсперантистов, смог около полугода обучаться в лучшем колледже для слепых — в предместье Лондона в Норвуде существует Королевский колледж и академия музыки для незрячих.

В Японию В. Ерошенко попал тоже благодаря эсперанто, там обучился технике восточного лечебного массажа и стал первым преподавателем эсперанто среди японских слепых. Здесь он прожил — с небольшим перерывом — четыре года: 1914–1916 гг. и 1919–1921 гг.

Выучив японский язык, он впервые заявил о себе как писатель в кругу японских литераторов и оставил Японии свои литературные произведения. Желание изучить положение слепых в других странах Азии заставило В. Ерошенко покинуть Японию в июле 1916 г.

Пытаясь улучшить систему образования слепых там, где она была, и организовать школы там, где их вообще не было, он провел три года в трех странах: Бирме (Союз Мьянмы с 1989 г.), Сиаме (Королевство Таиланд с 1939 г.) и в Индии. Из письменных свидетельств о пребывании В. Ерошенко в этих странах сохранилась частично его личная переписка с японскими друзьями, а также собранные и опубликованные за это время сказки и легенды этих стран.

Когда вести о революционных событиях в России в 1917 г. достигли этих стран, В. Ерошенко обращался не один раз за разре-

шением на выезд в Европу, но получал отказ. Тогда за ним уже был установлен полицейский надзор, который завершился более чем полугодовым содержанием под домашним арестом. Только в июле 1919 г. по решению колониальных властей Индии В. Ерошенко как «большевистского агитатора» отправили туда, откуда он самостоятельно приехал, то есть в Японию, уведомив об этом японское правительство.

Но с Японией ему пришлось снова расстаться в июне 1921 г. На этот раз это была унижительная высылка «опасной личности» под полицейским надзором во Владивосток. Из Владивостока В. Ерошенко решил уехать в Советскую Россию, но, получив сначала в Имане, а затем в Чите отказ на выезд, он направился летом этого же года в Харбин и оттуда — в Шанхай.

В Китае он находился с 1921 по 1923 гг. В этот период он активно участвовал в распространении эсперанто: сначала преподавал его в Шанхае, а затем, по приглашению Лу Синя, переехал в Пекин и преподавал эсперанто и русскую литературу в Пекинском университете.

Таковы основные моменты «скитальческой жизни» незрячего русского писателя-гуманиста. Уехав в 1914 г. из царской России в Японию, В. Ерошенко вернулся окончательно уже в Советскую Россию — из Гамбурга в Ленинград — только осенью 1924 г. после очередного путешествия по Европе. Интересно отметить, что, вернувшись в Россию, он так и не смог привыкнуть к оседлому образу жизни: Москва, Чукотка, Туркмения, Узбекистан — охота к перемене мест, жажда к странствиям, привычка к смене впечатлений тянули его в путь. В публикациях о В. Ерошенко (Р. Белоусова, А. Харьковского и др.) подчеркивалось, что им всегда двигала романтика и манящая радость дороги, новых знакомств, впечатлений. Думается, что в СССР не только это сделало из него, по выражению советских биографов, «закоренелого бродягу».

Для объективности следует учитывать и то, что годы, прожитые В. Ерошенко после возвращения в Россию (1924–1952), приходятся на время тяжелейших испытаний в истории СССР. Поэтому В. Ерошенко, возможно, повезло, что его приезд на родину остался незамеченным, и никто не обратил внимание, что вернулся не просто один из многих русских скитальцев, а писатель-поэт, которого на Востоке, ко всему прочему, считали то анархистом, то социалистом, то убежденным интернационалистом-космополитом и даже немецким шпионом.

К этому можно добавить, что и география путешествий В. Ерошенко могла служить негативной информацией в его «послужном списке». Он не мог рассчитывать на благосклонное расположение и какие-либо гарантии от советской власти. Сейчас можно только строить догадки о том, какие причины привели к тому, что, по утверждениям современников, последний период жизни Ерошенко в СССР изобиловал большими и маленькими неприятностями [Шамина 1962, с.183]. Ясно одно, что В. Ерошенко все-таки каким-то образом смог избежать репрессий, морального и физического подавления. Только тяжелая болезнь заставила В. Ерошенко вернуться в родное село Обуховку, где он и умер в нищете, практически забытый всеми.

Для адекватного понимания идей и взглядов В. Ерошенко, на наш взгляд, необходимо всегда помнить о том, что он слепой с раннего детства. Его «глазами» стали руки, уши, кожа и нос. Но и этими органами чувств надо еще научиться пользоваться. Эти навыки приобретают в школе слепых. В разных странах вопрос о необходимости обучения слепых решался в то время неоднозначно.

Из истории призрения инвалидов известно, что возникновение училищ для слепых и глухонемых детей в России относится к началу XIX в. Император Александр I, пожелав дать России первое учреждение для воспитания и обучения слепых, пригласил для основания этого заведения знаменитого французского учителя слепых Валентина Гаюи (Valentin Haüy).

В. Гаюи приехал в С.-Петербург в 1806 г. и основал первый институт слепых, в котором при нем преподавались чтение, разные науки, пение, музыка и некоторые ремесла<sup>15</sup>. Разумеется, в школах для слепых обучалась лишь незначительная часть незрячих. Уделом большинства слепых были затворничество в стенах родительского дома, или слепецкая богадельня, или нищенство и попрошайничество.

Такая судьба вызывала резкий протест у В. Ерошенко. Поэтому мысли, поступки и сама жизнь В. Ерошенко могли показаться безрассудным вызовом устоявшимся нормам образа жизни слепых.

Лишенный зрения с детства, В. Ерошенко хорошо уяснил, что значило быть «темным» для своей семьи и для окружающих. Знакомым с биографией писателя известно о его стремлении к самостоятельности, экономической независимости, к свободе выбора. Одним словом, к автаркии применительно к личности.

Работать и собственным трудом обеспечивать самостоятельную жизнь — это был идеал для слепого Ерошенко. Это путь для вос-

питания чувства самоуважения. Он был убежден, что только образование может избавить слепых от комплекса неполноценности. По мнению Виктора Першина, одного из учеников В. Ерошенко, «это был единственно верный выход из состояния укоренившейся убогости» [Першин 2001, с. 5]. Но в реальной жизни предрассудки в обществе оказываются сильнее всякой морали.

В этой связи интересно выступление В. Ерошенко в школе слепых в Моулмейне в 1917 г. Говоря о психологии слепых, В. Ерошенко приводит мнение специалистов, которые утверждают, что: «по сравнению со зрячими, слепые — эгоистичны и жестоки. А есть и такие авторы, которые даже утверждают, что слепые вообще по своей природе порочны» [Ерошенко 2005].

Обратившись еще раз к выступлению Ерошенко в Моулмейне, можно подробно узнать о его тревогах и заботах:

<...> что бы ни значила слепота для человека, какое бы влияние она ни оказывала на него, следует признать, что для слепца получение любого образования имеет гораздо большее значение, чем для зрячего. Это само собой разумеющиеся вещи, и этого никто не может отрицать. Но как много людей, не понимающих этого, и как много стран, правительства которых не осознают необходимости обучения слепых! И как же не стыдно нам за то, что и в нашем XX в., с его развитой культурой, ситуация в этом отношении остается прежней [Там же].

Таким образом, с юности у В. Ерошенко проявился искренний интерес к положению слепых и к проблемам их обучения. «Увидеть», научиться самому, а потом помогать другим — это, несомненно, двигало им во время его путешествий, география которых, в свете того, что он был слепой, не может не удивлять. Думается, что источником сил в его подвижнической жизни было именно это стремление. Оно определило и его дальнейшую судьбу, сформировав из В. Ерошенко гуманиста и талантливого учителя слепых. А основным средством, которое позволило ему легко преодолевать национальные границы в поисках знаний, он избрал международный язык эсперанто.

Современный немецкий исследователь истории международного эсперанто-движения Ульрих Линс отмечает, что в России конца XIX в. пионерами-эсперантистами становились в основном прогрессивно настроенные интеллигенты, стремившиеся к высоким идеалам, к духовному обновлению общества через нравственное возрождение, что было созвучно идеям Л. Н. Толстого. Свои интересы и идеи с эсперанто связывали, например, пацифисты,

различные религиозные течения, гуманисты, пролетарское движение, анархисты, социалисты, коммунисты и многие другие [Линс 1999, с. 26].

Усиление политической борьбы в России в конце XIX — начала XX вв., идейные и духовные искания русской интеллигенции, мировой экономической кризис, русско-японская война и начало первой мировой войны — на этом фоне происходило формирование мировоззрения В. Ерошенко. В этот период социальных потрясений, сопровождаемых надеждами на обновление мира, быстро распространяющееся движение за единый язык для человечества и его идейная сторона привлекли его внимание и увлекли В. Ерошенко настолько серьезно, что в дальнейшем это создало вокруг него ореол бунтаря социалиста — анархиста, интернационалиста-космополита.

Следует отметить, что даже много лет спустя друзья В. Ерошенко говорили, что у него не было определенных социальных взглядов и твердых политических убеждений, которые бы позволили судить о его партийной принадлежности. Скорее всего, он гуманист, мыслитель, стремившийся к взаимопониманию, укреплению единства людей.

Длительное нахождение за пределами родины и владение языком эсперанто стали серьезным препятствием в жизни В. Ерошенко в СССР: принесли ему известность в Японии и Китае, но сыграли роковую роль в его жизни после возвращения.

Выдвинутый Сталиным лозунг «обострения классовой борьбы» привел, как известно, к политическому террору против инакомыслия в СССР и, начиная с 1928 г., по словам У. Линса, пропаганда эсперанто как орудия взаимопонимания рабочих масс была названа «самой вредной формой замазывания классовой борьбы» [Линс 1999, с. 266]. Советское правительство специально не объясняло, почему в 1937–1938 гг. эсперанто-движение в СССР повсеместно было разгромлено без какого-либо юридического основания и без какой-либо возможности защитить себя от конкретных обвинений.

Удивительно, но В. Ерошенко в своем произведении, которое до сих пор считалось биографическим, словно предвидя финал своей судьбы, писал:

<...> я должен сказать, что ночь научила меня, прежде всего, подвергать сомнению все и вся, она научила меня не верить ни одному слову наших учителей, ни одной фразе любого авторитета; я сомневался во всем, я подозревал всех; я сомневался в благости Бога как и в злоб-

ности бесов; я подозревал правительства так же, как и доверяющее им общество. Но других слепых ночь научила брать все на веру и быть спокойными. Большинство моих друзей, кто принял как истину все, чему учили учителя, поверил каждому слову авторитетов, ни в чем не усомнился, — эти друзья уже давно достигли определенного положения в обществе как музыканты, как учителя, как рабочие и живут комфортно, окруженные своими женами и детьми, тогда как я до сих пор не достиг ничего и скитаюсь, сомневаясь во всем и вся, из страны в страну, и кто может сказать, что в один проклятый день я не встану в темном углу шумной улицы, как тот князь ночи, и не протяну руку к прохожим с просьбой о подаении?... [Ерошенко 2004].

Таким образом, творчество Василия Ерошенко, его мировоззрение, духовные поиски и идеалы, его сказки, рассказы, эссе, очерки, так же, как и его подвижничество в области просвещения слепых, его новаторские взгляды и идеи как талантливого тифлопедагога достойны не только ознакомления, но и серьезного изучения. Время стремительно течет и в настоящее время появляются возможности по-новому и по достоинству оценить литературное наследие Василия Ерошенко не только как талантливого и самобытного писателя, как явление не только в литературе и истории, но и в становлении человеческого духа. Серьезные исследования еще ждут литературоведов, историков и лингвистов. Для этого необходима скрупулезная работа по верификации уже имеющихся на русском языке его произведений и по переводу еще неизвестных русскому читателю работ, а также желателен поиск еще не найденных произведений, пока время окончательно не сокрыло их от нас.

### *Примечания*

<sup>1</sup> *Акига Удзюку* (1883–1962; Удзюку — псевдоним, наст. имя Токудзо). Японский писатель-драматург, критик и общественный деятель, один из основателей современного японского театра — сингэки. Убежденный сторонник языка эсперанто. Начал печататься в 1907 г. Первые произведения носили главным образом антивоенный характер (повесть «Первая заря» и др.). В 1919 г. примыкает к группе писателей пролетарской литературы. Пишет небольшие драмы, проникнутые анархистскими идеями. Увлекался индийской философией (мистическая драма «Будда и смерть ребенка», 1920 и др.). В начале 1920-х гг. примкнул к социалистическому движению. В 1927–1928 гг. посетил СССР и опубликовал очерки «Молодая Советская Россия» (1929). В 1928–1934 гг. председатель Института пролетарской науки. Известен также как автор детских сказок.

<sup>2</sup> *Такасуги Итиро* (1908–2008; псевдоним, наст. имя Огава Горо), литературный критик, беллетрист и переводчик. Эсперантист с 1929 г. Родился в г. Идзу преф. Сидзуока. В 1932 г. поступил на педагогическое отделение Токийского университета гуманитарных и естественных наук, но, оставив учебу на этом отделении, перешел на отделение английской литературы этого же университета. В 1933 г. работал

в редакции журнала «Кайдзо», после этого работал главным редактором журнала «Бунгэй». В 1944 г. был мобилизован, направлен в Манчжурию. После капитуляции японских войск под Харбином попал в плен и с 1945 по 1949 гг. находился в лагере японских военнопленных под Тайшетом в Иркутской области. После возвращения в Японию с 1950 г. преподавал английский язык и литературу, был профессором в университете Сидзуока.

<sup>3</sup> Постинг А. Харьковского Сергею Аникееву (от 18 июля 2006 г.).

<sup>4</sup> Период Тайсё — период в истории Японии с 30 июля 1912 по 25 декабря 1926, когда императором был Ёсихито. Девиз правления императора, давший название эпохе — Тайсё — «великая справедливость». Эта эпоха была временем либерального движения, известного как «демократия Тайсё». К власти на смену правящей группировке Гэнро пришли парламент и Демократическая партия. На этот период приходится Первая мировая война, обострение конфликта с Китаем и начало конфликта с СССР.

<sup>5</sup> Эта серия под названием «Эросенко сэсю» (Избранные произведения Ерошенко). См.: Eroŝenko V. Lumo kaj Ombro («Свет и Тень»), 1979; La tundra ĝemas («Вздохи тундры»), 1980; Malvasta kaĝo («Тесная клетка»), 1981; Stranga kato («Странный кот»), 1984; La kruĉo da saĝeco («Кувшин мудрости»), 1995; Cikatro de Amo («Шрам от любви»), 1996/Сост. Mine Yositaka. — Toyonaka, Japana Esperanta Librokooperativo.

<sup>6</sup> Это сказки «Tri ĝemeloj» («Три близнеца»), «Ĉielulino» («Небесная дева»), «Alifan Timemulo» («Алихан трусливый»), которые еще не переведены на русский язык, и рассказ «Трехходовая шахматная задача».

<sup>7</sup> Рогов Владимир Николаевич (1906–1988) работал в Китае с 1937 по 1953 гг. специальным корреспондентом ТАСС, с 1954 г. заместитель редактора отдела иностранной информации газеты «Известия», переводил произведения Лу Синя и Чжао Шули.

<sup>8</sup> На китайском языке так звучит фамилия Ерошенко. — С. А., А. Т.

<sup>9</sup> Так у В. Рогова. — С. А., А. Т.

<sup>10</sup> *Soma Kōkko* (1877–1955) — писательница, ценитель изящных искусств и литературы, известная меценатка японских интеллектуалов, артистов, художников, покровительница иностранцев-интеллигентов в Японии. Некоторое время В. Ерошенко проживал у нее в доме.

<sup>11</sup> *Фукуока Сэйити* (1897–2005) — журналист и переводчик, придерживавшийся либеральных взглядов, в дальнейшем главный редактор «Readers Digest» на японском языке, редактор первых двух сборников и составитель третьего сборника произведений В. Ерошенко «Ради человечества» (1924 г.)

<sup>12</sup> Письмо В. Рогова к И. Такасути от 28 января 1960 г. Машинопись на 5 страницах, предоставлена нам исследователем жизни и творчества В. Ерошенко А. Харьковским (США). С. 1.

<sup>13</sup> А. Харьковский в своей книге привел дополнительные сведения: в европейской печати впервые имя Ерошенко назвала чешская исследовательница Берга Кребсова. Краткие упоминания о нем были и в работах других ученых-китаеведов — Л. Д. Позднеевой, В. И. Семанова и В. В. Петрова [Харьковский 1978, с. 284]. Нам, к сожалению, неизвестно о каких-либо научных работах этих исследователей, посвященных В. Ерошенко. По всей видимости, по каким-то внешним причинам он находился за пределами их профессиональных и научных интересов, и поэтому они ограничились лишь упоминанием его имени.

<sup>14</sup> Адрес сайта: <http://www.eroshenko-epoko.narod.ru>

<sup>15</sup> См.: URL: [http://www.gbs.spb.ru/page\\_3/history1.htm](http://www.gbs.spb.ru/page_3/history1.htm)

### *Источники*

- Андрианова Н. Н.* Запалив я у серці вогонь. К.: Веселка, 1973.
- Алов Д.* Слепые Туркмены будут обучаться на родном языке // Жизнь слепых. № 5. 1937.
- Аузэрбах Е.* Судьба поэта // Московская правда. 1961. 28 мая.
- Белогоусов Р. С.* Друг Лу Синя // Литературная газета. 1961. 26 сентября.
- Белогоусов Р. С.* Вступительная статья / В. Я. Ерошенко. Сердце орла. Белгород: Белгород. кн. изд-во, 1962.
- Белогоусов Р. С.* Мечтания скитальца / В. Я. Ерошенко. Избранное. М.: Наука, 1977.
- Ерошенко В. Я.* Сердце орла. Белгород: Белгород. кн. изд-во, 1962.
- Ерошенко В.* Одна страничка в моей школьной жизни / перевод с эспер. Ю. Патлань. 2004. [Электронный ресурс] Василий Яковлевич Ерошенко и его время. URL: <http://www.eroshenko-epoko.narod.ru/Texts/Patlan/paghetto.htm> (дата обращения: 28.01.2017).
- Ерошенко В.* Что такое слепота? Выступление/перевод с японского С. Аникеева. 2005. [Электронный ресурс] Василий Яковлевич Ерошенко и его время. URL: <http://www.eroshenko-epoko.narod.ru/Texts/Anikeev/slep.htm>, свободный (дата обращения: 04.12.2016).
- Латышев И. А.* Япония, японцы и японоведы. М.: Алгоритм, 2001. С. 28, 31–32, 55, 543.
- Линс У.* Опасный язык. Книга о преследованиях эсперанто. М.: Импэто; Права человека, 1999.
- Лу синь.* Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1971.
- Осыков Б. И.* Музыкант, путешественник, поэт, педагог. Белгород. Белгородское кн. Изд-во, 1989.
- Пашнев Э. И.* Солнце — его поводырь: Повесть // Собеседник: Сборник. Воронеж. 1971. 23–78.
- Першин В. Г.* Память цвета печали // Импульс Ерошенко. М.: ТПО «ТАМП», 1991.
- Першин В. Г.* Магия шеститочия. М.: Репро, 2001.
- Рогов В. Н.* Русский друг Лу Синя // Знамя. № 7. М.: Правда, 1958. С. 212–216.
- Харьковский А. С.* Человек, увидевший мир. М.: Наука, 1978.
- Шамина З. И.* Влюбленный в жизнь // В. Я. Ерошенко. Сердце орла. Белгород: Белгород. кн. изд-во, 1962. С. 182–184.
- Васири Эросенко Сакухинсю (Собрание сочинений Василия Ерошенко)/Под ред. И. Такасуги: в 2 т. Токио, Мисудзусёбо, 1974. Т. 1. Момоиро но кумо (Облако розового цвета); Т. 2. Нихонцуйхоки (Записки об изгнании из Японии).
- Дзидо бунгаку. Нихон бунгаку кэнкю сирё сосё (Литература для детей. Сборник исследований по литературе для детей в Японии). Токио. Юсэйдо, 1977.
- Имаи С.* Россия кара но кяку. Нихон но хякунэн б. Нарикин тэнка 1912–1923 (Гости из России. Япония за сто лет. сб. 6. Среди нуворишей 1912–1923 гг.). Токио, 1962. С. 173.
- Камитика И.* Эросенко но омоидэ (Воспоминания о Ерошенко). Копия авторской рукописи предоставлена нам исследователем жизни и творчества В. Ерошенко А. Харьковским (США), не опубликована.
- Росиа но момоку но сидзин. Эросенко довасю (Русский слепой поэт. Сборник сказок Ерошенко)/Под ред. И. Такасуги. Токио, Кайсэйся, 1993.
- Сакухин ни ёру нихон дзидо бунгакуси. Мэйдзи-Тайсёки (История литературы для детей в Японии, прослеживаемая по произведениям в период Мэйдзи-Тайсё). Т. 1. Токио. Маки сётэн, 1968.
- Такасуги И.* Момоку но сидзин эросенко (Слепой поэт Ерошенко). Токио, Синтёся, 1956.



*Такасуги И.* Икитэ каэрсис хэй но киоку (Память солдата, ушедшего на войну и вернувшегося домой). Токио. Иванами сётэн, 2002. С. 4.

*Такасуги И.* Киндай Нихон то Тюгоку. Эросенко то Хасэгава Тэру. Асахи дзянару (Современная Япония и Китай. Ерошенко и Хасэгава Тэру) // Асахи. 1972. № 5. С. 44.

*Такасуги И.* Ёакэмаэ-но ута — момокусидзин Эросенко но сёгай (Песни перед рассветом. Жизнь слепого поэта Ерошенко). Токио, Иванами сётэн, 1982.

*Такасуги И.* Хитосудзи но мидори но сёкэй. Эросенко-о тадзунэру таби («Зеленая дорожка диною в жизнь. Поездка к Ерошенко»). Токио. Рибэрой, 1977. С. 82, 162.

*Эросенко.* Ёакэмаэ но ута (Песни перед зарей) / Под ред. У. Акита. Токио, Собункаку, 1921а.

*Эросенко.* Сайго но тамэки (Последний вздох) / Под ред У. Акита. Токио, Собункаку, 1921б.

*Эросенко.* Дзинруй но тамэ ни (Ради человечества)/Под ред. С. Фукуока. Токио, Тэнсэся, 1924.

Эросенко дзэнсю (Полное собрание сочинений Ерошенко) / Под ред. И. Такасуги. Т. 3. Токио, Мисудзусёбо, 1959. С. 5–238.

*Фудзиси С.* Эросенко но тосимоногатари 1920 нэндай: Токё, Сянхай, Пэкин («Рассказы о городах Ерошенко: Токио Шанхай, Пекин в 1920-е годы»). Токио. Мисудзусёбо, 1989.

*Mine Yoshitaka.* Lumo kaj ombro (Свет и тень). Тоуонака, Librokooperativo, 1979. С. 88.

### *Исследования*

*Патлань Ю. В.* О мировоззрении Василия Ерошенко: материалы виртуальной конференции «Ерошенко и его время» [Электронный ресурс] Персональный сайт Георгия Прохорова. URL: [http://www.gosha-p.narod.ru/Esperanto/List\\_esp.htm](http://www.gosha-p.narod.ru/Esperanto/List_esp.htm) (дата обращения 20.01.2017).

*Патлань Ю. В.* О «Русском друге Лу Синя» полвека спустя (1958–2008): Роль советских Китаеведов в изучении жизни и творчества Василия Ерошенко [Электронный ресурс / Окно в Японию. Рассылка. 2008. № 51. ]. URL: [http://ru-jp.org/patlan\\_gogov\\_081221.pdf](http://ru-jp.org/patlan_gogov_081221.pdf). (дата обращения 26.01.2017). С. 13.

*Патлань Ю. В., Прохоров С. М.* Презумпция «первого исследования» в создании мифа о поэте [Электронный ресурс] Василий Яковлевич Ерошенко и его время. URL: <http://www.eroshenko-epoko.narod.ru/Materials/Patlan/mif.htm> (дата обращения 26.12.2016).

*Патлань Ю. В.* О жанровых особенностях «Одной странички в моей школьной жизни» [Электронный ресурс] Василий Яковлевич Ерошенко и его время. URL: <http://www.eroshenko-epoko.narod.ru/Materials/Patlan/Str1.html> (дата обращения: 08.01.2017).

См.: URL: [http://www.gbs.spb.ru/page\\_3/history1.htm](http://www.gbs.spb.ru/page_3/history1.htm)